

Шелестюк Е.В. Представленность символа в структуре понятия // *Mentalitat und Mentales / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2003. Ss. 32-45*

Шелестюк Е. В.

Представленность символа в структуре понятия

Целью данной статьи является рассмотрение феноменологии символа, а именно, его представленности в понятии и лексическом значении слова. В одной из ранних работ мы предположили, что в структуре основного значения слова (понятия) имеются семы, составляющие его «символическую ауру» [1]. Эта аура может быть обусловлена стереотипными для данной культуры ассоциациями, а также носить древний, архетипический характер. При актуализации слова в соответствующем контексте аура воплощается в переносном символическом значении.

Символическая аура слова отражается в трех видах символов: культурно-стереотипных, архетипических и субъективно-авторских. Культурно-стереотипные символы — символы современности, понятные всем представителям данной культуры, с прозрачным либо полупрозрачным основанием переноса. Символы-архетипы — символы, основанные на древнейших пралогических, мифологических либо первичных бессознательных представлениях о мире, с затемненным основанием переноса. Согласно Ф. Уилрайту, главными общечеловеческими архетипами являются отец-небо, мать-земля, яйцо, змея, рыба, солнце-глаз, виноградная лоза, дерево (росток), вода (ритуальное омовение), путь или дорога и странствие, парящая птица, круг или шар и др. [2]. Основанные на них символы обнаруживаются в культурах, разделенных во времени и отличных по историческому развитию. Субъективно-авторские символы отражают концепты, конструирующие картину мира отдельной личности, чаще всего в них своеобразно преломляются стереотипы и архетипы.

Исследование символической ауры слова потребовало тщательного изучения структуры его основного значения в целом. Поэтому в данной статье собственно символические семы рассматриваются наряду со всеми компонентами значения слова: денотатом с прототипическим ядром, сигнификатом в совокупности его элементов, наконец, коннотативным компонентом, включающим в себя фоносемантический аспект.

Объединение понятия и лексического значения слова в нашем исследовании неслучайно. Их единство заключено, прежде всего, в репрезентативном характере языкового знака - слова выражают (репрезентируют) концепты [3]. Каждое значение есть концепт, хотя и не

каждый концепт есть значение. Концепты порождаются и изменяются через свое референционное и предикативное использование и приобретают соответствие в виде значения языковых знаков, когда правила использования этих знаков для данных понятий становятся конвенциональными. В значениях фиксируется концепт в том виде, в каком он находится в данный конкретный момент своей эволюции [4].

В рассмотрении структуры понятия и лексического значения слова мы исходим из традиционных и достаточно унифицированных подходов К. И. Льюиса, М. В. Никитина, В. Г. Гака [5, 6, 7], дополняя их некоторыми более поздними положениями когнитивной семантики и психологии. Понятия соотносятся, прежде всего, с прототипами - чувственно распознаваемыми примитивными гештальтами, «первообразами» соответствующих понятий. Прототип есть базовый член понятийной категории, единственный ментальный образ, отображающий всю категорию [8]. Именно прототип составляет ядро денотативного компонента понятия (значения), «воплощая» в себе мыслимые под этим понятием (значением) предметы. Кроме того, понятие (значение) обладает набором признаков, которые составляют сигнификат, или содержание понятия. Здесь выделяется интенционал (обязательные признаки), а также семы сильной и слабой импликации. Именно среди сигнификативных признаков выявляются семы, составляющие символическую ауру слова, которые делают потенциально возможной актуализацию символа в том или ином значении. Наконец, большинство обыденных понятий (значений) не свободно от коннотаций, которые, помимо эмоционально-оценочной и экспрессивной окраски понятийного ядра, отражают также фоносемантику слова.

Прототип с одной стороны и сигнификат значения слова с другой вписываются в модель двойной репрезентации знаний, выдвинутую психологом-когнитивистом А. Пайвио [9]. Согласно ей, существуют две независимые системы репрезентации – образная и вербальная, каждая из которых специализируется в кодировании, организации, хранении и воспроизведении разных типов информации. Единицами невербальной репрезентации являются «имагены» (синкретичные образы, которые изоморфны или аналогичны объектам, и в которых сохраняются некоторые перцептивные характеристики), а вербальной – «логогены» (похожие на слова дискретные сущности, включающие визуальные и фонематические признаки). Имагены и логогены работают на трех уровнях: репрезентации, где они управляются физическими характеристиками слов и объектов; референции, где логогены и имагены взаимно представляют друг друга (этому уровню соответствует задача «представить слово» или «назвать картинку»); на ассоциативном уровне, где происходит активация одних логогенов посредством других и одних имагенов – посредством других (репрезентация абстрактных слов и сложных пространственных образов,

на этом уровне нет прямого перехода между логогенами и имагенами). Прототип (имаген) и сигнификат (логоген) взаимно представляют друг друга на уровне референции, чем обеспечивается четкий механизм хранения информации.

Представим модель понятия (основного лексического значения слова) на двух примерах - имени естественных родов «камень» и имени артефакта «дом». Мы намеренно не анализируем конкретно-видовые, признаковые и абстрактные существительные, а также другие части речи с точки зрения структуры их значений, поскольку именно родовые существительные, будучи ядром словаря, имеют наиболее богатую семантическую структуру - все упомянутые компоненты значения. Они характеризуются также многослойностью символической ауры.

Денотативный компонент значения включает денотат (экстенционал) — класс всех объектов действительности, к которым приложимо данное слово, и «компрегенсию» — классификацию всех непротиворечиво мыслимых предметов, к которым может быть приложимо слово в данном значении [5: 213]. Наиболее репрезентативными чертами денотата обладают прототипы. Ставший классическим эксперимент Э. Рош показал, что типичными представителями (т.е. денотатами) понятий ЖИВОТНЫЕ, ПТИЦЫ и МЕБЕЛЬ являются прототипы в этих категориях, а именно, собака, малиновка (в славянских странах, в частности, в России - воробей) и стул. Нетипичными денотатами этих понятий являются, соответственно, кит, пингвин и кресло-качалка [10].

В случае существительных «камень» и «дом» наиболее типичными денотатами значений также являются их прототипы. На основании нестрогого статистического опроса в русском менталитете это булыжник - средних размеров камень, естественно закругленной формы либо неровный и заостренный, и изба - деревянное одноэтажное здание, окруженное забором, с окнами, дверью и трубой на крыше. Именно эти первообразы возникают в уме при произнесении соответствующих слов, и именно так выглядят дом и камень на рисунках маленьких детей. По-видимому, несколько иным является прототип дома в англоязычном сознании. Как наглядно показано в «Словаре английского языка и культуры», там типичный дом предстает как двухэтажное каменное здание, окруженное забором, с несколькими окнами, дверью, трубой на крыше и расположенным рядом гаражом [11].

Менее типичными денотатами камня являются валун (большой, старый камень с округлыми краями, подвергшийся атмосферным влияниям), бут (щебень, небольшой или средних размеров обломок камня с неровными острыми краями, в карьере), галька (небольшой камешек, округленный под воздействием воды) или гравий (небольшие камешки в

сочетании с галькой), а также кусок нетвердой породы, к примеру, известняка и другие. Менее типичные денотаты дома – многоэтажный дом, особняк, хижина, барак, дворец, а также здания учреждения или завода.

Сигнификативный компонент значения составляют:

1. *Сигнификативное ядро-интенционал* — жесткая структура конечного множества значений (признаков), выявляемых только по обязательным, сущностным основаниям. Семантические признаки в интенционале распадаются на две части, связанные родовидовым отношением. Родовая часть интенционала называется гиперсемой, видовая часть - гипосемой (дифференцирующей семой) [6: 26-29].

Так, основное значение слова «камень» — твердая горная порода, кусками или сплошной массой, а также кусок, обломок горной породы (не очень большой, естественной формы, либо высеченный для строительства); гипосема — «кусок, обломок», гиперсема — «твердая горная порода». «Дом» - жилое (или для учреждения) здание, а также (собирают) люди, живущие в нем; гипосема – «жилое или для учреждения, населенное людьми», гиперсема – «здание» [12].

Интенционал значения обладает большой «порождающей» (т.е. номинативной) способностью. На основании интенционала основного имени устанавливаются логические связи с другими концептами разного и одного уровня обобщения; происходят *сужение и расширение значения*. Например, основное значение слова «камень» порождает следующие суженные (конкретизированные) значения: драгоценный камень или порода; мед. конкремент; подводный камень, риф; могильный камень. Кроме того, интенционал исходного значения играет главную роль в номинации, основанной на отношениях синекдохи (часть → целое и целое → часть): камень – твердая горная порода, кусками или сплошной массой, а также кусок горной породы.

Внешне простое понятие интенционала при ближайшем рассмотрении оказывается диалектичным. Эта диалектика двойственного характера.

Во-первых, можно говорить об относительности интенционала в связи с различием референтности и истинности в разных «возможных мирах» (термин С.А. Крипке). Это дает основание логикам говорить о «первичном» и «вторичном» интенционале, идейном (понятийном) и реляционном содержании, приписывании веры («belief ascription») [13]. Примеры относительности интенционалов: литографский камень сделан не из твердой породы, но из известняка, тем не менее, он классифицируется как камень; человек, живущий в пещере, дупле дерева или землянке, будет считать своим домом не здание, а природный объект или подземное сооружение.

Относительность интенционалов понятия / значения подтверждается и лингво-концептуальными расхождениями типа: англ. blue – рус. синий и голубой, англ. watch и clock — рус. часы, исп. pez и pescado — англ. fish и т.д. Так, в английском языке имеется два разных слова для дома вообще, просто дома (*house*) и своего, родного дома (*home*), в то время как в русском языке эти значения объединены одним словом *дом*, точнее, в основном значении русского слова обнаруживается сильная импликация сем «родной», «свой». Весьма важно также такое различие интенционалов, как англ. *house* - здание, обычно имеющее один-два этажа, предназначенное для одной семьи, а рус. *дом* - жилое здание (чаще многоэтажное), а также люди, живущие в нем (несколько семей в разных квартирах) [11, 12].

Что касается интенционала русского слова *камень*, то он, в общем, совпадает с интенционалами своих английских эквивалентов *stone* и *rock*. Однако, здесь примечательны нюансы в содержании понятий *stone* и *rock* в британском и американском английском. Так, *stone* – общеангл. камень, булыжник, но основные значения: 1) брит. англ. камень (предмет), 2) ам. англ. камень (материал); *rock* - общеангл. горная порода; скала, но основные значения: 1) брит. англ. большой кусок камня, скала, 2) ам. англ. камень любого размера – и большой, и маленький [11, 12].

В отношении изучения расхождений понятий / значений в разных культурах перспективны исследования А. Вежбицкой, сопоставляющей национально-специфические концепты, переводя их на язык семантических примитивов [14].

Во-вторых, относительность интенционала зависит от способа мышления — мифологического или логического, предметного или абстрактного. Так, понятия, (представления) камня и дома в парадигме мифологического сознания со свойственными ему анимизмом, пантеизмом, тотемизмом и «партиципациями» (термин Л. Леви-Брюля, означающий сопричастность человека миру, неразличение «я» и «не я» [15]) будут иметь интенционалы, отличные от соответствующих понятий рационального сознания. Представления древних весьма отличались от современных понятий, и ядро этих представлений составляли те образы и первичные идеи, которые сейчас называются «архетипами». Мы предполагаем, что историческая судьба интенционала понятия (или ядра допонятийного представления) такова, что с эволюцией мышления происходит движение многих ядерных сем к периферии. Благодаря этому движению, вокруг ядра, в импликационале, сосредотачиваются «архетипические» семы, определяющие представления пралогического и мифологического мышления, которые образуют своеобразные наслоения смыслов. Архетипические семы в понятиях *камень* и *дом* будут обсуждаться ниже при рассмотрении свободного импликационала понятия / значения.

2. *Потенциальные семы, или импликационал* — открытая вероятностная структура неконечного множества признаков, отражающих предметно-логические («импликационные») связи интенционала [6: 27]. Выделяется жесткий импликационал, признаки которого выявляются на основе существенных связей предметов и явлений объективного мира. Эти признаки можно рассматривать как жестко имплицитруемые интенционалом реляционные предикаты, свернутые силлогизмы, суждения и умозаключения. Наряду с жестким импликационалом выделяется сильный импликационал, в который входят характеризующие признаки, выделяемые на основе стереотипных культурных ассоциаций. Помимо жесткого и сильного импликационалов в структуре значения имеются слабый, или свободный импликационал, отражающий малосущественные или несущественные признаки интенционала.

1) *Жесткий и сильный импликационалы.* Слово «камень» имплицитрует с жесткой вероятностью следующие семантические признаки и отношения: минерал, кусок твердой горной породы, благодаря атмосферному влиянию приобретший округлую форму, либо имеющий неровные, заостренные края; используемый для строительства и т.п. Жесткий импликационал слова «дом» - построенное человеком здание со стенами, крышей, окнами, дверью; одно- или многоэтажное, одно- или многоквартирное, место жилья; укрытие, временное жилье; место, используемое для общественных целей; обитатели дома.

Семантический потенциал этой области значения слова «камень» реализуется в метонимиях «субстанция - материал для обработки» (близкой к типу «материал – изделие»): бут, строительный камень для кладки; брусчатка; облицовочный (тесаный) камень; камень для инкрустации и т.д. Семы жесткой импликации слова «дом» порождают метонимическое значение «семья или семьи, проживающие в доме» (метонимия типа «место – люди, находящиеся в этом месте»), и далее, обобщенное значение «династия, род, семейное древо, предки и потомки».

Примыкающий к жесткому сильный импликационал понятия «камень» – твердый, тяжелый, холодный, обычно небольшого или среднего размера, лежит на земле, препятствие, о которое можно споткнуться; используется как метка, веха, в качестве оружия, для строительства, т.д.; падает с горы, в воду, т.д. «Дом» - место постоянного обитания, Родина, родина, отчий дом; уют, покой, свобода действий; застой, инертность; место нахождения чего-либо, помещения, предназначенные для чего-либо, т.д. Как уже было указано, эти семантические признаки отражают уровень «обыденной» логики, стереотипное сознание большинства людей нашей культуры.

Заметим, что семантический потенциал интенционала понятия (значения), а также разнообразие его стереотипных импликаций на уровне парадигматики и синтагматики представлены как в толковых, так и в ассоциативных словарях, например, в «Русском ассоциативном словаре» [16]. Таким образом, лингвистические и психолингвистические данные могут взаимно дополнять и уточнять друг друга в отношении частотности употребления, центральности и периферийности семантических признаков, взаимообусловленности членов ассоциативной пары (стимула и реакции) и т. д.

Стереотипы служат «каркасом» многих конкретных денотатов. Их номинативные возможности реализуются:

а) в стандартных (культурно-стереотипных) языковых и речевых метафорах

- камень - любой холодный / твердый предмет; тоска, обида, недовольство, разочарование («камень на сердце», «держать камень за пазухой», «камень с души свалился»); препятствие («камень преткновения»); неподвижность, непокорность («камнем вращать в землю»); неподвижность, оцепенение («окаменеть»);

- дом – родина, место, где человеку уютно и спокойно, защита, место обитания родственников, предков, потомков; *астрол.* одна двенадцатая часть небесной сферы, знак Зодиака, который испытывает наибольшее влияние планеты;

б) в олицетворениях (камень - человек с твердой волей; холодный, равнодушный человек; (редко) дом – родной человек),

в) в сравнениях (пошел на дно, как камень; камнем падать вниз; чувствовать себя как дома; это место для него - «дом родной»),

г) в устойчивых фразах и идиомах: камень на сердце, сердце не камень, камень с души свалился, держать камень за пазухой против кого-либо, бросить камнем в кого-нибудь, бросить камушек в чей-л. огород, камня на камне не оставить, камень преткновения, пробный камень, философский камень, краеугольный камень; родной дом, отчий дом, тоска по дому, (не) сидеть дома, (работать) на дому, (не) у себя дома, не все дома, мой дом – моя крепость; дом отдыха, детский дом (детдом), дом (для) престарелых, Белый дом, Дом культуры, ночлежный дом и т.д.

Помимо языковых и узуальных речевых тропов и фигур, культурно-стереотипные ассоциации составляют основу для общепонятной и обыденной символики. Просвечивающий сквозь стереотипы «идеологический» смысл объектов действительности понятен большинству людей той или иной культуры, преломляясь в его разновидностях - мистическом, религиозном, философско-мировоззренческом символизме. *Стереотипы составляют первый уровень символической ауры слова.*

Так, камень является символом препятствия (метонимия «причина – следствие»); строительства, созидания (метонимия «инструмент – действие»); древности (метонимия «предмет, обладающий каким-либо свойством – свойство»); постоянства, неподвижности, силы, целостности, мудрости, вечной жизни, смерти; неприветливости, душевной черствости и холодности (метафорические переносы свойств неживой материи на живую, физических свойств на психические). Драгоценные камни имеют свои собственные символические значения.

Дом является символом средоточия жизни человека, его социального, потомственного, профессионального происхождения; единства людей, связанных родственными связями и общностью в пространстве и во времени («большой» или общий дом как центр племенного союза); дом также символизирует связь времен (настоящего с прошлым); является местом заседаний, совершения празднеств и ритуалов.

Заметим, что на уровне культурных стереотипов часто наблюдается расхождение в символике: так, дом в русской культуре выступает символом общности людей и связи времен, а в западной и, в частности, англоязычной культуре дом чаще выступает символом изоляции, обособления индивида от общества. Сравните отражение этого стереотипа в произведениях русской и западной литератур. В первом случае часто встречается мотив дома как объединяющего начала людей, а также ностальгического воспоминания о прошлом, материализовавшегося «слежка» детства или молодости, например, «Дом с мезонином» А. П. Чехова, «Дом на набережной» Ю. Трифонова, «Дом в переулке» Ф. Искандера. Во втором случае актуализируется мотив одиночества, заброшенности, имплицитно оценивается негативно, например, «Холодный дом» Ч. Диккенса, «Дом, где разбиваются сердца» Б. Шоу.

2) *Свободный, или слабый импликационал*, с точки зрения М.В. Никитина, представляет собой набор семантических валентностей (пустых оснований) интенционала, заполняющихся произвольно, и ограничивается потенциальными семантическими признаками, которые «не входят в содержание значения и не отрицаются им» [6: 26]. При актуализации значения в речи они выбираются субъективно или не выбираются совсем. Свободный импликационал создается содержательно-логическими связями предмет - несущественный признак, смежность в пространстве, одновременность, следование во времени, место в пространстве - событие во времени и т.д.

Мы считаем возможным расширить сугубо формальное понимание свободного импликационала, отнеся к этой области также, во-первых, упомянутые выше архетипические признаки, в древности составлявшие ядро представлений, но со временем отошедшие на периферию, и, во-вторых, индивидуально-символические признаки, основанные на

устойчивых субъективных ассоциациях индивида. В последних отражаются и своеобразно преломляются культурные стереотипы и архетипы, однако, и сами эти признаки и отношения влияют на устоявшуюся семантику понятий / значений, особенно, если их носители являются культурно значимыми личностями. Рассмотрим архетипические и индивидуально-символические семы по отдельности.

Архетипические семы, присутствующие в подсознании современного человека, восстанавливаются с помощью мифологической и этимологической реконструкции, с учетом значений психоаналитической символики. *Архетипы создают вокруг соответствующих понятий следующий, второй после стереотипов уровень символической ауры.* Архетипы более универсальны по сравнению со стереотипами и обнаруживают единообразие в самых различных культурах.

Так, древнейшее значения камня (ст.-слав. камы, камене -, греч. *aktōn* «наковальня», первоначально «каменный», др.-инд. *áṣṭā*, и.-е. **akmen*, **kāmen*, скр. *asman* – «камень», «небо», «молния» < и.-е. **ak-* «острый» и суф. –*mg/mn* [17, 18]) – божество, ср. бог земли Мин (м., п. в скр. *asman*), древнегреческий бог грозы Акмон, поклонение метеоритам, каменным истуканам, изливание жертвенной жидкости на камень. Камень был как самим божеством, так и знаком божественного присутствия, алтарем, домом Бога. Он также мог означать сверхъестественного великана, человека, кость Матери-Земли, жизненную энергию и жизнь, плодородие, смерть, культ предков, связь живых с умершими, прошедших поколений с будущими. Камень связывался как с огнем, так и с дождем, так, на языке шумеров дождь и камень обозначались одним словом [19: 110, 20: 90, 21: 135].

Дом (ср. ст.-слав. *домъ*, лат. *domus*, греч. *δῶμος*, *δῶμη* «жилье», авест. *dam-* «жилье», др.-инд. *dāmas* «дом» [22]) символизирует самого человека (например, в сновидениях человек может являться сам себе благоустроенным, опустившимся, старым или обновленным домом), место человека во Вселенной, иногда утробу, мать, уют и блаженство, а также обитель Бога (обрядовое место) [19: 73-74]. У русских *дом* (*домовина*) также означал гроб, последнее пристанище, смерть [23]. Вообще, связь смерти с домом, обиталищем, носит весьма древний характер, и если для тела после смерти домом становится гроб, то для души - потусторонний мир (сравните древнеиндийский миф о Кришне, который предстал у смертного одра Бхишмы и заверил его, что он возвращается домой, обратно к Богу) [24].

Эти архетипические значения камня и дома воплощались в древних символах, мифах и сказках, однако и сейчас они присутствуют на периферии сознания человека. Сравните современные мифы о каменных великанах и оживающих статуях, чаще враждебных человеку - отражение анимизма и мифов о камнях как воплощениях божеств (например,

основанный на древнееврейском мифе роман «Голем» Г. Мейринка). Камень как тотем, обладающий способностью отдавать силу человеку и забирать его силу, встречается в так называемой «трансцендентальной прозе» К. Кастанеды, например, в «Даре орла» и «Путешествии в Икстлен». Возьмем также архетип «философского камня», символизирующий мудрость и трансцендентное знание, трансформацию материи в дух и высвобождение духа из материи, а также индивидуацию в психоанализе [19: 110, 25: 18]. Являясь отражением тотемизма и «партиципаций» человека и окружающего его мира, он используется и современными авторами, например, в романе жанра «фэнтези» Дж. К. Ролинг «Гарри Поттер и философский камень», в романе Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» и др. Архетипическое значение дома как воплощения самого человека отражено, например, в поэме «Открытый дом» Теодора Ретке, где имеет место нарочитая многозначность: в начале поэмы дом приветлив и гостеприимен в соответствии с искренним и дружелюбным характером хозяина, в конце – безжизнен, необитаем, насквозь продуваем ветрами, символизирует одиночество и опустошение героя. Символизм смерти как возвращения домой представлен в песнях авангардного автора Д. Шкарина, например, «милый мой товарищ гроб, скоро мы поедem домой» (из неопубликованного).

Область свободной импликации понятия / значения особенно важна для творчества, она предоставляет простор для постижения и своеобразного отражения идейной сущности предметного мира. Эта семантическая область является областью поиска «метафизических» смыслов предметов и явлений, а также питательной средой для субъективно-авторских символов, узловых точек индивидуального микрокосма. *Индивидуально-символические семы, определяющие своеобразие картины мира отдельного человека, составляют третий уровень символической ауры понятия / значения.*

Следует отметить, что индивидуальный символизм чаще бывает основан на стереотипах и архетипах, нежели на семантических инновациях, то есть символы, несоотносимые или мало соотносимые со стереотипными и архетипическими значениями, достаточно редки. В англоязычной поэзии, которую мы рассматривали в ранних работах, такими оригинальными, «новаторскими» символами являются метафизические символы бесплодной земли (пустоши) и полых людей Т.С. Элиота, священного города Византия У.Б. Йетса (а также другие символы Йетса и течения «символизм» в целом), символы крика и желания У. Стивенса, символизм наречий, модальных и местоименных слов Э.Э. Каммингса: «сейчас», «до тех пор как», «можно», «должно» (например, «but we've the may (for you are in love and i am) to sing, my darling: while old worlds and young (big little and all worlds) merely have the must to say») и др.

[26, 27]. В русской поэзии оригинальные символы, вероятно, следует искать у символистов, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Б. Пастернака.

Ниже приводятся несколько символов русских поэтов, основанных на стереотипных и архетипических значениях камня и дома, а также два субъективно-авторских символа («камень» О. Мандельштама и «дом» Б. Пастернака), которые можно рассматривать как «новаторские».

Есенинское «Ничего! Я споткнулся о камень. Это к завтраму все заживет» («Все живое особой метой...») отражает стереотипное понимание камня как препятствия и жесткости, а также дополнительно имплицитно такие значения, как «боль», «обида, оскорбление», «жестокость» (ср. контексты: «Если раньше мне били в морду, то теперь вся в крови душа»; «И теперь говорю я не маме, а в чужой и хохочущий сброд»). В стихотворении «Камень» Н. Гумилева («Взгляни, как злобно смотрит камень...») угадывается архетип ожившей материи: как сказочный великан, камень лежит на морском берегу, а по ночам мстит людям, убивая и своих обидчиков, и случайных прохожих.

В поэзии О. Мандельштама камень предстает как падающий или упавший с неба неземной объект, стремительный и вечный, противопоставляемый обыденности и тлену («Кружевом, камень, будь и паутиной стань, неба пустую грудь тонкой иглою рань», также «Паденье - неизменный спутник страха, и самый страх есть чувство пустоты. Кто камни нам бросает с высоты, и камень отрицает иго праха? ... Немногие для вечности живут, но если ты мгновенным озабочен - твой жребий страшен и твой дом непрочен!», «Как землю где-нибудь небесный камень будит, упал опальный стих, не знающий отца...»). Помимо архетипа божественного знака - метеорита – этот образ отражает индивидуальный символизм: в нем угадывается скрытое олицетворение, отождествление с лирическим героем, а также своеобразное выражение жизненного кредо поэта – жить стремительно, ярко, напряженно. Кроме того, камень имплицитно легкость («кружево», «паутина») и боль («неба пустую грудь тонкой иглою рань»). Семантическая сложность и размытость этого символа дает нам основание считать его оригинальным, «новаторским».

Разрушенный дом в стихотворении «Дом» В. Ходасевича символизирует время, ход жизни, человеческую историю, а также бессилие человека перед стихией времени (ср. стереотипные символические значения дома как средоточия жизни человека и связи времен). Жизнь дома и его обитателей едины лишь до времени, все рождается и умирает, создается и разрушается («Затхлый холод идет от груды мусора и щебня, засыпавшего комнаты, где прежде гнездились люди... Где ссорились, мирились, где в чулке замызганные деньги припасались про черный день; где в духоте и мраке супруги обнимались; где потели в жару больные; где рождались люди и умирали скрытно»). Сходный символизм ломаемого дома мы находим у А. Тарковского в стихотворении «Дом напротив»:

«Сруб разобрали, бревна увезли. Но ни на шаг от милой им земли не отходили призраки бывшего, и про рябину песню пели снова, на свадьбах пили белое вино, ходили на работу и в кино, гробы на полотенцах выносили, и друг у друга денег в долг просили, и спали парами в пуховиках, и перенцов держали на руках...».

Архетипическое значение дома (избы) как утробы, покоя и счастья, а также детства и юности отражается в стихотворениях «Был домик в три оконца...» А. Тарковского, «Домики старой Москва», «Розовый домик» и «"Прости" волшебному дому» М. Цветаевой.

Архетипическое значение дома как самого человека своеобразно преломляется в субъективно-авторском символе Б. Пастернака («Pro domo»), который мы относим к «новаторским». В названии стихотворения имеет место игра слов: его можно перевести с латинского как «о доме», так и «о себе». Дом с огнем очага предстает одной из ипостасей поэта («писатель – только вероять, бледная догадка бледного огня», «я весь – на иждивенье у огня с колонной воспаленных строк») и противопоставляется тени (воображению), уносящейся в полный тайн и опасностей ночной сад.

Коннотативный компонент значения разбросан от центра-интенционала (например, в словах, обозначающих эмоции и чувства) до периферии импликационала. Сюда входят узуальные и окказиональные семы, связанные 1) с семантическими ассоциациями звуковой формы (звуковой символизм и ассоциации внутренней формы слова); 2) с аффективной стороной значения слова: эмоционально-оценочные семы и семы интенсивности (эти семы отражают сходные ощущения при восприятии объектов в разных модальностях и лежат в основе синестезии), а также семы стилистической окраски. *Коннотативный компонент представляет собой четвертый уровень символической ауры значения слова и выражаемого им понятия.*

Слово *дом*, согласно А. П. Журавлеву [28], имеет такие фоносемантические признаки, как «хороший», «большой», «сильный», «могучий», а также «яркий», «громкий». Этимон *дом* является производящей основой для лат. *dominus* «господин, хозяин», «Бог» и может ассоциативно связываться с бытующими в русском языке словами *доминировать*, *доминантный*, *доминион*, содержащими семы «сила», «господство», «преобладание». В отношении аффективной стороны значения слова «дом» следует отметить присутствие в нем положительной эмоциональной оценки – «родной дом», «чувствовать себя как дома», «у себя дома», ср. «вдали от дома», «тоска по дому», «выгнать из дома».

Фоносемантическое значение слова *камень* включает такие признаки, как: «небольшой», «слабый», «холодный», «тяжелый», «низменный», «печальный», «угловатый», а также «тусклый», «тихий», «медлительный» (признаки выявлены с помощью Электронного словаря

имен И. Киселева (1999)). Можно предположить, что фоносемантическое значение перекликается с тем фактом, что прототип понятия *камень* в русском менталитете – булыжник, то есть не большой, а средних размеров камень. Однако в целом такие фоносемантические признаки, как «небольшой», «слабый» противоречат аффективному значению слова *камень*, поскольку в нем есть семы сильной интенсивности (определяемой количественно — тяжесть, твердость) и соответствующие эмоциональные семы. Возьмем, например, синестезический перенос на абстрактное понятие, связанное со сложным психическим явлением: «тоска навалилась, как камень». Заметим также, что по данным «Русского ассоциативного словаря» частотность ассоциаций слова *камень* со словом *большой* весьма высока [16].

Таким образом, нами выявлены четыре основных уровня символической ауры в понятии и лексическом значении слова:

- 1) уровень стереотипных символических сем в жестком и сильном импликационале,
- 2) уровень архетипических сем в свободном импликационале,
- 3) уровень индивидуально-символических сем в свободном импликационале,
- 4) уровень звукового символизма и аффективной семантики в коннотативном компоненте слова.

Литература:

1. Шелестюк Е. В О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 4. М.: Наука, 1997. - С. 50-58.
2. Wheelwright P. The archetypal symbol. // Perspectives in literary symbolism. V.I. The Pennsylvania State University Press. University Park; London, 1968. - P. 222.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 261-262.
4. Keller R. Rules and Tools: On the Relation between Meanings and Concepts // Historical semantics and cognition. Abstracts. Berlin: Freie Universitat, September 1996. - P. 18-21.
5. Льюис К.И. Виды значения // Семиотика. М.: Радуга, 1983. - С. 211-224.
6. Никитин М.В. Лексическое значение слова. М.: Высшая школа, 1983.
7. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971.
8. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях. // ВЯ, 2. М., 1996. – С. 71.
9. Когнитивная психология. / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002. - С. 122-123.
10. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование (из книги “Женщины, огонь и опасные предметы”) // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. - С. 154-165.
11. Longman Dictionary of English Language and Culture. Ed. director D. Summers. Harlow: Addison Wesley Longmans Limited, 1992. - P. 644, 1307, 1137.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. - С. 154, 234.
13. Chalmers D. J. The components of content. St. Louis: Washington University, 1996.
14. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
15. Леви-Брюль Л. Сверхестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика -Пресс, 1994.

16. Русский ассоциативный словарь. (В 2-х томах). Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова и др. М.: АСТ «Астрель», 2002.
17. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / Ред. О. Н. Трубачев. Вып. 9. М.: Наука, 1983. - С. 139.
18. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. - С. 185.
19. Бидерман Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996.
20. Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1994.
21. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. – С. 526.
23. Этимологический словарь русского языка для школьников. / Сост. М. Э. Руткевич. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. С. 136.
24. Мифы народов мира. В 2-х тт. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1988. С. 202
25. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: МНПП «ЭСИ», 1994.
26. Шелестюк Е. В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: МПГУ, 1998.
27. Шелестюк Е. В. Символ versus троп: сравнительный анализ семантики // Филологические науки. М., 2001. № 6. С. 50-58.
28. Shelestiuk H.V. Semantics of Symbol // Semiotica. Journal of the International Association for Semiotic Studies Vol. 144-1/4. Pp. 233-259.
29. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л: ЛГУ., 1974. С. 152.